

УДК 32

Н.П. Мони́на

кандидат философских наук, доцент

Омский государственный

университет им. Ф.М. Достоевского

г. Омск, Россия

monijulia@yandex.ru

ИДЕИ КОСМИЗМА В ПОЭЗИИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

[Monina N.P. Ideas of cosmism in the poetry of the silver age]

This article is devoted to fixing in the works of poets of the Silver age: S. Esenin, F. Tyutchev, A. Akhmatova, O. Mandelstam ideas of the philosophy of cosmism. It is identified sources space philosophy in Russian culture, briefly analyzed the aspects of reflection of cosmism in the philosophy of Russian religious thinkers of the XIX-XX centuries. Specifics poetic transcription of the ideas of Russian cosmism are considered.

Key words: cosmism, Russian religious philosophy, poetry of the Silver age, macrocosm and the microcosm.

Рубеж веков – это всегда период поиска ответов на краеугольные, фундаментальные вопросы человеческого и национального бытия. Традиционный русский вопрос «Что делать?» как никогда актуален сегодня, в эпоху активизации межцивилизационных противоречий, мирового экономического, политического, культурного кризисов, в эпоху очередного поиска национальной идеи. Любая сложная, переходная эпоха на определенном этапе находит ответ на искомые вопросы в прошлом, в историческом опыте народа, в его ценностных ориентациях, ментальных качествах. Обращение к поэтическому и философскому наследию Серебряного века позволит, на наш взгляд, выявить краеугольные духовные, нравственные императивы, актуальные и сегодня. Ярко не декларируемое обращение к традиционным, архетипическим идеям отечественной культуры, в тот период было, пожалуй, попыткой найти выход из состояния, когда все то, что казалось вечным и незыблемым, становится вдруг подвижным, когда теряется точка отсчета. Такой подход актуален и сегодня. Фундаментальная рефлексия поэтического творчества Серебряного века позволит выявить духовные векторы развития русской цивилизации и культуры. Евгений Евтушенко сказал: «Поэт в России больше, чем поэт», действительно, творчество С. Есенина, Ф. Тютчева, О.

Мандельштама, А. Ахматовой – скорее философия, глубокое осмысление и оценка национальной культуры, ее духовных основ.

В работе рассматривается творчество не только тех поэтов и философов, которые хронологически принадлежат к рубежу XIX – XX вв. На наш взгляд, формирование особого мировоззрения Серебряного века началось гораздо раньше, чем сам Серебряный век и закончилось, несомненно, гораздо позже. М. Цветаева как-то сказала: «Трудно говорить о такой безмерности как поэт, с чего начать и где кончить?» Действительно, истинные художники способны ощутить дух эпохи задолго до ее начала, и оставить после себя наследие, неизменно актуализируемое последующими поколениями. К примеру, поэзия Ф.И. Тютчева, отнюдь, не принадлежит к Серебряному веку, но его творчество послужило истоком символистского направления поэзии XX в. Именно тютчевская природная лирика и лирика души – основа поэтического космизма, ярко проявившего себя в конце XIX – начале XX вв.

В рамках данной статьи сделана попытка рассмотрения поэзии Серебряного века через призму космизма, космистского мировоззрения. Идея единства макрокосма и микрокосма, некоего космического всеединства – изначально присутствовала в отечественной культуре, но наиболее ярко проявлялась именно в сложные, переходные периоды истории. Неслучайно, «одним из эстетических открытий Серебряного века было утверждение космичности художественно-поэтического сознания, восприятие мира как единого целого, в котором все связано со всем. ... Русская мысль Серебряного века подчеркивала светлый космизм православной традиции, рождающей художественно-восторженное отношение к миру. С этим светлым космизмом русские мыслители связывали и национальный характер..., и русское мировоззрение, и сущность православия» [8, с. 88-89]. Идеи космизма активно присутствовали в творчестве отечественных религиозных философов: П.А. Флоренского, С.Н. Булгакова, В.С. Соловьева. Так, П.А. Флоренский замечал: «Человек и природа взаимно подобны и внутренне едины. Человек и природа равноможны, при этом человек предстает как «сумма мира, сокращенный конспект его», а Мир как «раскрытие человека, проекция его» [цит. по 7, с.70]. Познание человека возможно только через познание космоса. Основная задача человека, по мнению философа, утвердить космичность природного бытия. Ключевая идея русского космизма выражается в том, что «Вселенная и человек соизмеримы,

а душа и космос однопорядковые явления, ... космос естественен, а человек есть ни что иное, как органично связанная с ним частица» [12, с. 11].

Современные исследователи русской культуры О.Д. Куракина, В.Н. Демин и ряд других в качестве онтологического основания русского космизма называют, в первую очередь, концепцию всеединства, разработанную в трудах В.С. Соловьева, С.Н. Булгакова, Л.П. Карсавина. Напомним, что теория всеединства мыслится в онтологии как «положительное всеединство» – свободное объединение в Абсолюте всех оживотворенных элементов бытия, как Божественный первообраз и искомое состояние мира. В.Н. Демин, в частности, отмечает: «...разработанная совокупными усилиями выдающихся отечественных мыслителей теория Софийного Космоса содержит в себе все необходимые элементы для формулировки философских принципов русского космизма в целом» [3, с. 10].

Основателем концепции Всеединства является В.С. Соловьев, а потому, его космология оказала непосредственное влияние на формирование онтологической концепции философского космизма. Идея всеобщей связи, как верно подчеркивает Т.В. Абрамова, переходит от В.С. Соловьева к П.А. Флоренскому и С.Н. Булгакову. Именно от него эти мыслители воспринимают идею всеединства – космоса как единого целого, заключающего в себе образ Софии Премудрости Божией. Но в отличие от В.С. Соловьева и П.А. Флоренский, и С.Н. Булгаков, стремились «превратить ее в конкретную метафизику, наполнить эту схему жизненной проблематикой» [1, с. 5].

Космистским мировоззрением буквально пронизано не только творчество русских религиозных философов, но и поэтов Серебряного века, в частности, С. Есенина. Очевидно единство всего живого, так в поэме «Преображение» он говорит о воскресении Лота и вместе с тем о воскресении совершенно конкретных неодушевленных предметов.

Никому и в голову не встанет,
Что солома – тоже плоть!
Режет серп тяжелые колосья,
Как под горло режут лебедей...
Перевязана в снопы солома...
Каждый сноп лежит как труп.
На телегах, как на катафалках,
Их везут в могильный склеп-овин [5, т.1, с.176-177].

Поэт был бесконечно последователен в своем понимании единосущности жизни. Свои любимые мысли С. Есенин повторял постоянно, и потому совершенно естественно звучат они в рассуждениях Пугачева о человеческой природе:

Знаешь? Люди ведь со звериной душой, –

Тот медведь, тот лиса, та волчица... [там же, т. 3, с. 23]

Это не декларация, это – мировоззрение. Связь всего живого у С. Есенина не имеет уничижительного оттенка по отношению к человеку:

Звери, звери, придите ко мне,

В чашки рук моих злобу выплакать...

Они для поэта действительно «меньшие братья» [там же, т.2, с. 68].

Таким образом, космистские представления присущи С. Есенину и проявляются в естественной связанности всего живого: космоса – человека – природы, в восприятии мира как живого мироздания, в космической гармонии и космической этике.

Поэтическое творчество Ф.И. Тютчева – философское по своей природе, берет свое начало из глубины русской культурной традиции, а потому, на наш взгляд, в нем проявляются архетипические черты русской культуры, позже нашедшие свое осмысление в философии, в частности, космистское отношение к миру.

«Тютчевское ощущение природы, близкое порой пантеизму, неуловимо соприкасается со своего рода космизмом мироощущения, и бездны космоса подавляют душу человека чувством, коему нет определения» [4, с. 192]. Природу поэт понимает скорее не в пантеистическом смысле, а в смысле христианском, когда она воспринимается не как самостоятельное божество, а лишь как ответ Божией славы. Способность увидеть и услышать природу есть характернейшее свойство средневекового христианского мировосприятия, когда в каждом проявлении тварного мира человек стремился сознавать символическое проявление Божества. В.С. Соловьев писал о Тютчеве: «...он вполне и сознательно верил в то, что чувствовал, – ощущаемую им живую красоту принимал и понимал не как свою фантазию, а как истину» [13, с. 243].

Основная идея космизма – единство микрокосма и макрокосма – Вселенной и человека, их гармоничное сосуществование. Именно из глубин народного космизма поэт и выводит свое мироощущение. В своих поисках истинных отношений между целым и частью – природой и человеком, Тютчев при-

ходит к выводу, что человек не всегда в разладе с природой, он не только «беспомощное дитя», но он и равновелик ей в своей творческой потенции:

Связан, съединен от века
Союзом кровного родства
Разумный гений человека
С творящей силой естества...
Скажи заветное он слово –
И миром новым естество
Всегда откликнуться готово
На голос родственный его [15, с. 162].

«Связь человека с мирозданием развернута у Тютчева в серию картин, иллюстрирующих внутренние переживания личности. Все тайные движения природы и Космоса находят чуткий отклик в душе человека, чья жизнь микрокосм мироздания, его земное продолжение» [16, с. 161]. Еще в 1913 году С.Л. Франк отмечал непосредственность мистического реализма у Тютчева, предполагающего не только и не столько космическую диссолюцию и тотальный распад, сколько космизацию души, перенесение на личную жизнь категорий космического порядка.

Важное место в лирике поэта занимает тема единства природы и человека. Писарев как-то писал о том, что в сознание читателя Тютчев вошел, прежде всего, как певец природы. Образ природы в его поэзии поэтичен и одухотворен. Она – живая, может чувствовать, радоваться и грустить:

Сияет солнце, воды блещут,
Во всем улыбка, жизнь во всем,
Деревья радостно трепещут,
Купаясь в небе голубом [15, с. 196].

Природа воспринималась Ф. Тютчевым как живой прообраз, запечатлевший все стороны бытия: и Вселенную, и историю цивилизаций, и страсти человеческой души. Звездное небо стало объектом поэтических наблюдений Тютчева, оно появляется то в одном, то в другом его стихотворении:

Небесный свод, горящий
Славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, –
И мы плывем, пылающею бездной
Со всех сторон окружены... [там же, с. 113]

Одухотворение и очеловечивание природы, наделение ее чувствами, духовностью ярко это проявляется в стихотворении «Летний вечер». Закат у поэта ассоциируется с «раскаленным шаром», который скатила со своей головы земля; «светлые звезды» у Тютчева приподнимают небесный свод.

И сладкий трепет, как струя,
По жилам пробежал природы,
Как бы горячих ног ея
Коснулись ключевые воды [там же, с. 92].

Пейзаж в произведениях Тютчева переходит в исследование души человеческой. Природа – единый живой организм, состоящий из связанных друг с другом элементов. Она имеет свой голос, настроение, характер, любовь, ее можно понять. Отсюда – единство ощущений природы и человека. «Философский параллелизм природного и человеческого пронизывает всю пейзажную лирику Тютчева» [14, с. 52]. Природа для поэта

Не слепок, не бездушный лик –
В ней есть душа, в ней есть свобода,
В ней есть любовь, в ней есть язык... [15, с. 149]

Человек и природа изначально едины, они части единого целого – мира, Космоса, но как только гармония нарушается, происходит разлад человека и с природой, и с душой. Дисгармония мира приводит к дисгармонии, к опустошению души человеческой, отсюда и непонимание мира природного:

И чувства нет в твоих очах,
И правды нет в твоих речах,
И нет души в тебе [там же, с. 150]

А отсюда уже и мотив странничества и одиночества человека в этом мире прекрасном, но непонятном и сложном:

По чуждой мне земле скитаюсь сирой тенью,
И мертвого согреть бессилен свет [там же, с. 66].

Мир видится поэту двойственным: существует горний мир, небесный, живой, яркий, извечный, постоянный и в противоположность ему – мир земной – суетный, бездушный и временный, «дольний прах», как называет его поэт.

Сей мир, туманною и тесной
Волнений и сует обвитый пеленой... [там же, с. 59].
... И вы, мои поля, и рощи, и долины,

Вы мертвы! И от вас дух жизни улетел! [там же, с. 66].

... И как земля, в виду небес мертва!.. [там же, с. 66].

Некоторые исследователи поэзии Тютчева (В.Н. Касаткина, Ю.М. Лотман) отметили характерную особенность пейзажной лирики: «Его интересует пространство не столько по горизонтали, сколько по вертикали,.. небо и земля в их взаимосвязи, взаимоотношениях больше всего увлекают Тютчева как поэта пространства, что соответствовало его натурфилософским представлениям» [6, с. 39]. Но при этом необходимо отметить, что Тютчеву не была чужда эстетика горизонтали, простора и дали. При всей своей устремленности к небу, поэт живо и ярко осознавал свою причастность к Матери – Земле, к матери-природе. Радость общения с нею, восхищение ее красотой говорят и об умении поэта узреть красоту и в этом тварном мире, прежде всего, красоту природы, естественную гармонию.

Нет, моего к тебе пристрастья
Я скрыть не в силах, мать – Земля!
Духов бесплотных сладострастья,
Твой верный сын, не жажду я.
Что пред тобой утеха рая?.. [15, с. 137]

Особое внимание поэт уделяет временам года. В его творчестве мы находим философское, космистское описание и понимание весны, лета, осени и зимы.

Весна для поэта – начало нового этапа, новой жизни, некоего обновления в целом. Неслучайно поэтому автор использует довольно часто образ грозы, весенней грозы. Гроза – игра созидательных сил природы и деятельностных способностей человека:

Люблю грозу в начале мая,
Когда весенний, первый гром,
Как бы резвяся и играя,
Грохочет в небе голубом [там же, с. 89].

Весеннее пробуждение природы откликается духовным пробуждением и человеческой личности:

Блестит лазурь, играет кровь...
Или то женская любовь? [там же, с. 71]

Лето – олицетворение гармонии, равновесия как в природе, так и в душе человеческой, символ полного расцвета всех духовных способностей человека.

Тютчевская осень пронизана смирением перед неумолимыми законами бытия.
Есть в светлости осенних вечеров,
Умильная, таинственная прелесть:
Зловещий блеск и пестрота деревьев
Багряных листьев томный, легкий шелест,
Туманная и тихая лазурь
Над грустно-сиротеющей землею [там же, с. 121]

Осень, как верно отмечает Р.Ф. Юсуфов, есть время примирения с неизбежностью конца, с необходимостью изменений в природе и в жизни индивида, с драмой смертности человека. Музыкальностью грустного смирения перед трагедией Ухода из жизни проникнуты строки тютчевского шедевра об осени в природе и в жизни человека:

Есть в осени первоначальной
Короткая, но дивная пора
Весь день стоит как бы хрустальный
И лучезарны вечера... [там же, с. 206].

Зима для Тютчева – время упокоения природы, сила, враждебная божествам света и тепла, мировой жизни. В народном восприятии зимы сказывается жизнестойкость русского человека.

Космизм в осмыслении Ф. Тютчева – это некий синтез христианского и пантеистического мировоззрений, единство макрокосма и микрокосма – Вселенной и Человека, взаимообусловленность и взаимосвязанность природного мира, естественного и гармоничного и мира человеческого.

Ф. Тютчев был поэтом-учителем для яркого представителя Серебряного века – Осипа Мандельштама. Тютчевское мировосприятие, его космическая идея, его философия становятся актуальными и для Мандельштама. Особенно волновала поэта проблема: человек и Вселенная. Слово «звезда» – любимое в космической лексике О. Мандельштама, оно переходит из стихотворения в стихотворение в окружении различных эпитетов.

Как же воспринимает поэт космос? Какие чувства испытывает, глядя в безбрежный звездный океан?

У молодого лирика, мечтающего одолеть «врожденным ритмом природную неловкость», звездное небо поначалу вызывает языческий испуг,

загадки космоса словно иероглифы умерших цивилизаций, внушают почти-тельное любопытство, граничащее с мистическим страхом:

Я чувствую непобедимый страх

В присутствии таинственных высот... [10, т.1, с. 74].

Над головой поэта как предзнаменование беды «роковая трепещет звезда», наполняя сердце «мировой туманной болью».

Там в беспристрастном эфире

Взвешены сущности наши –

Брошены звездные гири

На задрожавшие чаши... [там же, т.1, с. 63].

Но жажда познания, страстное тютчевское желание разорвать «трех измерений узы» и открыть «всемирные моря» оказались сильнее первородного страха: «Твой мир, болезненный и странный, я принимаю, пустота!»

Лирический герой пристально вглядывается в сияющую «грубыми звездами» небесную «твердь», прислушивается к голосу далеких миров, и вот уже «верещанье звезд» не пугает, а «щекочет слабый слух», и таинственные космические звуки постепенно превращаются во «вселенскую музыку»:

Но видит бог, есть музыка над нами, -

Дрожит вокзал от пенья аонид... [11, с. 76].

Поэт, как «музыкант встревоженный», настраивает свой чуткий поэтический инструмент, и космическая музыка, обретая земную плоть, превращается в слово, и «ночь-коршуница несет горящий мел и грифель кормит».

Нет, не луна, а светлый циферблат

Сияет мне, и чем я виноват,

Что слабых звезд я осезаю млечность? [9, т.1, с. 79].

Так в чем же секрет бытия? Где «она настоящая с таинственным миром связь»? Человек и Вселенная... Человек, Земля, Вселенная... Вечная тайна, вечный вопрос.

Словно крошечная песчинка, словно кристаллик соли, который может в любое мгновение раствориться, человек ничтожно мал по сравнению со Вселенной. Но в то же время он велик. Разум его способен вместить ту самую Вселенную, в бескрайнем океане которой «земля плышет», а вместе с ней перемещаются в пространстве цивилизации, народы, континенты.

Быть может, я тебе не нужен,

Ночь; из пучины мировой,
Как раковина без жемчужин,
Я выброшен на берег твой [10, т. 1, с. 68-69].

И пусть человек слаб, пусть его тело как «хрупкой раковины стены», но душа человеческая вобрала в себя и небо, и далекие миры, «и звезды золотые в темном кошельке».

Лирический герой стихов О. Мандельштама пробует связать цифрами звезды и человеческие чувства, вечность и жизнь человеческую, далекие миры и мир душевный.

Я по лесенке приставной
Лез на включенный сеновал, -
Я дышал звезд млечной трухой,
Колтуном пространства дышал...
Звезд в ковше медведицы семь.
Добрых чувств на земле пять,
Набухает, звенит темь,
И растет, и звенит опять... [9, т. 1, с. 143].

Мир человеческой души – как крохотный самоцвет из мира камней, как метеорит, брошенный из Вселенной.

Космос, история, жизнь человеческой души. Как связать это воедино? Поэт вновь и вновь возвращается к этому вопросу. Что же все-таки истинно и вечно? Города разрушаются, цивилизации исчезают, нет ничего вечного, и только человеческий разум не оскудевает, он впитывает как губка, мысли поколений, растет, движется, завоевывает пространство.

Пусть имена цветущих городов
Ласкают слух значительностью брэнной.
Не город Рим живет среди веков,
А место человека во Вселенной [10, т.1 с. 102].

«Космическая» философия поэта весьма ярко отразилась в стихотворении «Отравлен хлеб и воздух выпит...» из сборника «Камень»:

...И, если подлинно поется
И полной грудью, наконец,
Все исчезает – остается
Пространство, звезды и певец! [там же, т.1, с. 97]

Поэт говорит о своей мечте, своем идеале – связать затерянные в пространстве Вселенной миры с миром человеческой души, заглянуть в память веков и установить связь с прошлым, и, наконец, оживить и подлинно человеческие представления о нравственности и красоте, столь необходимые его времени.

В целом, можно отметить, что одной из ключевых идей космистской поэзии О. Мандельштама является идея единства и взаимосвязи Человека и Космоса, мира человеческой души и Космического разума.

Несколько по-иному космистское мировоззрение отражается в поэзии А. Ахматовой. Она, в первую очередь, говорит о святости, священности Земли, воспринимая ее тело как тело Матери Божией. Взаимопроникновение христианского и языческого начал в данном случае тоже говорит о некоем синтетическом взгляде на мир, в центре которого – идея единства всего мироздания. Вспомним, например, стихотворение «Славно начато славное дело...» из цикла «Победа»:

Славно начато славное дело
В грозном грохоте, в снежной пыли,
Где томится пречистое тело
Оскверненной врагами земли.
К нам оттуда родные березы
Тянут ветки, и ждут, и зовут,
И могучие деда-морозы
С нами сомкнутым строем идут [2, т. 1, с. 212].

В данном стихотворении тело земли ассоциируется со священным телом Божией Матери. Вообще наделение земли святостью характерно для творчества А. Ахматовой. Вспомним строки из одного из ранних произведений «Июль 1914»:

Ранят тело твое пресвятое
Мечут жребий о ризах твоих [там же, т.1, с. 97].

В духе фольклорно-мифологическом в этом стихотворении создается картина мира. Так, березки с протянутыми ветками ассоциируются с девушками, которые ждут солдат. Образ «могучих дедов-морозов», идущих «сомкнутым строем» вместе с солдатами, напоминает о сильных морозах. На защиту Отечества, на помощь солдатам в это трудное время пришла вся природа. Подразумеваемая по очеловеченным страдальческим образом Земли сам народ, дом его, Ахматова смотрит на мир по-православному, где Земля – «с точки зрения Библии и писаний св. Отцов, – вершина Божьего творе-

ния, центр Вселенной, дом человека». В центре стихотворения – идея страдания, которая восходит к образу «оскверненной врагами земли».

Таким образом, поэтическая транскрипция идей русского космизма выражена в пантеистическом мировоззрении, в особом взгляде на мир, мир, который видится как единый живой организм, включающий в свои пределы и человека, и Космос, отражающий единство Макрокосма и микрокосма, Вселенной и человека, в синестезии и в реализации принципов космической этики.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Абрамова Т.В.* Космизм в русской религиозной философии: В.С. Соловьев, П.А. Флоренский, С.Н. Булгаков: автореф. дис. ...канд. филос. наук. М., 1994.
2. *Ахматова А.* Сочинения в 2 т. М., 1990.
3. *Демин В.Н.* Философские принципы русского космизма: автореф. дис. канд. филос. наук. М., 1996.
4. *Дунаев М.М.* Вера в горниле сомнений: православная литература XVII – XX вв. М., 2003.
5. *Есенин С.* Собрание сочинений в 6 т. М., 1978.
6. *Касаткина В.Н.* Поэзия Ф.И. Тютчева. М., 1978.
7. *Когай Е. А.* Социальная экология. Человек и природа в русском космизме / Е. А. Когай // Социально-гуманитарные знания. 1999. № 2.
8. *Крохина Н.П.* Архетип космоса в русской мысли серебряного века // Символическое и архетипическое в культуре и социальных отношениях: материалы международной научно-практической конференции 5-6 марта 2011 года. Пенза, 2011.
9. *Мандельштам О. Э.* Сочинения. В 2-х т. Т.1. Стихотворения и переводы. М., 1990.
10. *Мандельштам О.Э.* Собрание сочинений в 4-х т. М., 1993.
11. *Мандельштам О.Э.* Стихотворения / Составитель, автор вступ. статьи и примеч. А. Казинцев. М., 1991.

12. *Овечкина И.С.* Космизм и русское искусство первой трети XX века: автореф. дис. канд. культурологии. Краснодар, 1999.
13. *Соловьев В.С. Ф.И. Тютчев.* Сб. статей о творчестве Ф.И. Тютчева / Сост. В.А. Алексеев. М., 2005.
14. *Трухина З.Г., Зименкова А.В.* Философский параллелизм как эстетический принцип в художественной системе Ф.И. Тютчева и И.С. Тургенева / Тютчевский сборник. Межвузовский сб. научных трудов. Биробиджан, 1998.
15. *Тютчев Ф.И.* Полное собрание стихотворений / Вступ. статья Б.Я. Бухштаба. Л., 1957.
16. *Юсуфов Р.Ф.* История литературы в культурфилософском освещении. М., 2005.

REFERENCES

1. *Abramova T.V.* Cosmism in Russian religious philosophy: VS Soloviev, PA Florensky, SN Bulgakov: Author. Dis. ... Cand. Philosophy. Sciences. M., 1994.
2. *Akhmatova A.* Works in 2 v. M., 1990.
3. *Demin V.N.* Philosophical principles of Russian cosmism: Author. Dis. cand. Philosophy. Sciences. M., 1996.
4. *Dunayev M.* Faith in the crucible of doubt Orthodox literature XVII – XX centuries M., 2003.
5. *Yesenin S.* Collected Works in 6 volumes. M., 1978.
6. *Kasatkin V.N.* Poetry FI Tiutchev. M., 1978.
7. *Kogan E.A.* Social Ecology. Man and nature in Russian cosmism / EA Kogay // Socially-humanitarian knowledge. 1999. № 2.
8. *Krokhina N.P.* The archetype of the cosmos in the Russian silver've thought a minute // symbolic and archetypal in culture and social relations: Proceedings of the international scientific-practical conference on March 5-6 20011goda. Penza, 2011.
9. *Mandelstam O.* Works. In 2 v. V. 1. Poems and Translations. M., 1990.
10. *Mandelstam O.* Works in 4 m. M., 1993.

11. *Mandelstam O.* Poems / Compiled by author enter. articles and notes. A. Kazintsev. M., 1991.
12. *Ovechkin I.S.* Cosmism and Russian art of the first third of the twentieth century: the Author. Dis. cand. Cultural Studies. Krasnodar, 1999.
13. *Solovyov V.S. Tiutchev F.I.* / F.I. Tiutchev and Orthodoxy. M., 2005.
14. *Trukhina Z.G., Zimenkova A.V.* Philosophical parallelism as an aesthetic principle in art system FI Tiutchev and IS Turgenev / collection Tiutchev. Intercollegiate Sat scientific papers. Birobidzhan, 1998.
15. *Tiutchev F.I.* Complete Poems / TSA. Art. BJ Buchstab. L., 1957.
16. *Yusufov R.F.* The history of literature in culture and philosophic aspect. M., 2005.

14 мая 2015 г.
